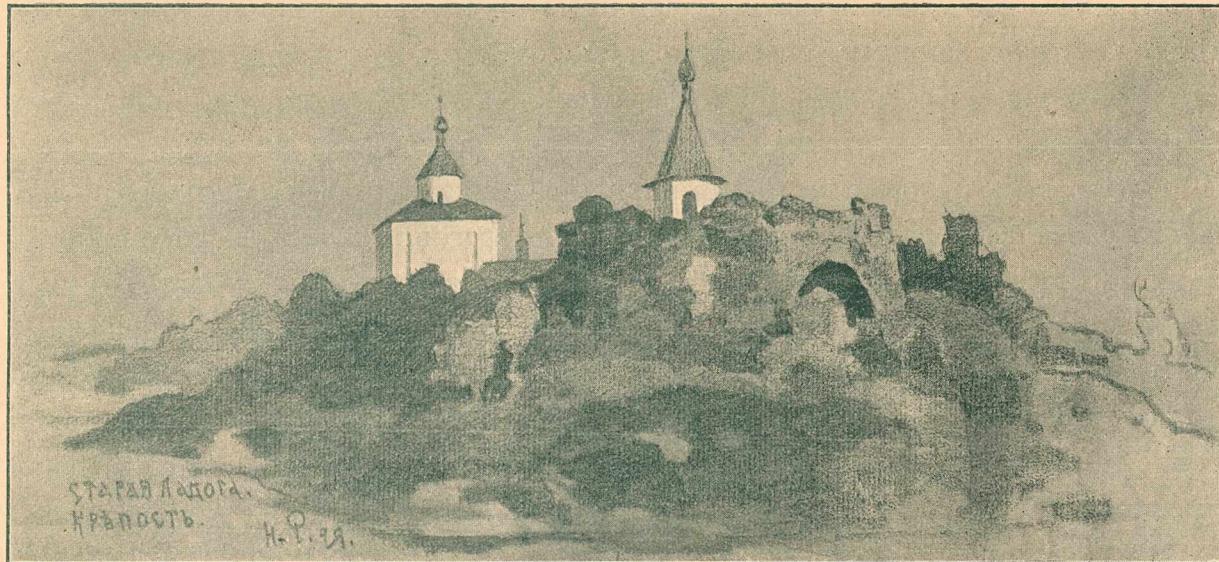

ИСКУССТВО
и
художественная
промышленность

Художественная промышленность

THE ARCHIVE OF
NICHOLAS
ROERICH
MUSEUM

Крѣпость въ Старой Ладогѣ (изъ альбома Н. К. Рериха).
Forteresse à Staraïa Ladoga (dess. tiré de l'album de N. C. Roerich).

по пути изъ варягъ въ греки, замѣтки Н. К. РЕРИХА.

Лѣвутъ полунощные гости. Свѣтлой полосой тянется пологій берегъ Финскаго залива. Вода точно напиталась синевой яснаго, весеннаго неба; вѣтеръ рябитъ по ней, сгоняя матово-ливоватые полосы и крути. Стайка чаекъ спустилась на волны, безопасно на нихъ закачалась и лишь подъ самыемъ килемъ передней ладьи сверкнула крыльями—всполошило ихъ мирную жизнъ что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей водѣ, бѣжитъ она въ вѣковую славянскую жизнъ, пройдетъ черезъ лѣса и болота, перекатится широкимъ полемъ, погдѣмъ рогѣ славянскѣе—увидаютъ они рѣдкихъ, незнаемыхъ гостей, поди-вуются они на ихъ строй боевой, на ихъ заморской обѣчай.

Длиннѣмъ рядомъ идутъ ладьи; яркая раскраска горитъ на солнцѣ. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высокимъ носомъ дракономъ. Полосы красныя, зеленныя, желтые и синія наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленыя. На киевомъ бревнѣ пустого мѣста не видно—все рѣзное: крестики, точки, кружки, переплетаюсь, даютъ самыи сложнѣи узоры. Другія части ладьи тоже рѣзбой изукрашены; съ любовью отдельнѣи всѣ мелочи, изумляющи имъ теперь въ музеяхъ и, тщетно стараясь оторвавшись отъ теперешней практической

Impressions de voyage sur les bords du Volkhoff. Notes de N. C. Roerich.

жизни, робко пробуешь воспроизвести ихъ—въ большинствѣ случаевъ совершенно неудачно, потому что, полнѣе кичливаго, холоднаго изученія, мѣ не даемъ себѣ труда постичь духъ современной этимъ предметамъ искусства эпохи, полюбить ее—славную, полную дикаго простора и воли.

Около носа и кормы на ладѣ щиты привѣшаны, горятъ подъ солнцемъ. Паруса своей пестротою наводятъ страхъ на враговъ; на верхней бѣлой каймѣ нашиты красные круги и разводы; самъ парусъ рѣдко одноцвѣтенъ—чаще онъ полосатый: полосы на немъ или вдоль, или поперекъ, какъ придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатымъ наметомъ, накинутъ онъ на мачты, которыя держатся перекрещенными брусьями, изрѣзанными красивымъ узоромъ, — дождь ли, жара ли, гребцамъ свободно сидѣть подъ наметомъ.

На мореходной ладѣ народу доволѣно—человѣкъ 70; по борту сидитъ до 30 гребцовъ. У рулевого весла стоятъ: кто постановитъ, поважнѣй, самъ конунгъ тамъ стоитъ. Конунга можно сразу отличить отъ другихъ: и турби рога на шлемѣ у него повыше, и бронзовей кабанчикъ, прикрепленный къ гребню на макушкѣ, отделькой получше. Колчуга конунга выдала виды, заряженѣла она отъ дождей и отъ соленой воды, блестятъ на ней только золотая пряжка фибула подъ воротомъ, да толстый браслетъ на руку. Ручка у топора тоже богаче, чѣмъ у прочихъ дружинниковъ—мореный дубъ обвитъ серебряной пластинкой, на боку большой загнувшись рогъ для питья. Вѣтеръ играетъ краснымъ съ просѣдью усомъ, кустиствя брови насыпились надъ загорѣлымъ, бронзовымъ носомъ; поперекъ щеки прошелъ давній шрамъ.

Стихнетъ вѣтеръ—дружно подѣумутся весла; какъ однотѣрно бѣютъ они по водѣ, несутъ ладьи по Невѣ, по Волхову, Ильменю, Лѣвому, Днѣпру—въ самый Цареградъ; идутъ варяги на торгъ или на службу.

Нева величава и могуча, но историческаго настроенія въ ней куда менѣе по сравненію съ Волховомъ. На Невѣ берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, замѣянулись теперь кирпичными и лѣсопильными заводами, такъ что слишкомъ трудно перенестись въ далекую старину. Немѣслимо, напр., представить расписныя ладьи варяжскія, звонъ мечей, блескъ щитовъ, когда передъ вами на берегу торчитъ какая-нибудь самодоволѣная дачка, ну точь въ точь—пошлиновская слобожанка, восхищенная своею красотою; когда на солнѣшкѣ сѣютъ безсмысленные разноцвѣтныя шары, исполняющіе немаловажное назначеніе—украсить природу; рѣбюта охрянѣе фронтоны съ какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тѣмъ любой сѣрый срубъ—много художественнѣе ихъ.

За всю дорогу отъ Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно

характерное мѣсто — старинное Потемкинское имѣніе Островки. Мысокъ, заросшій понурѣми, серебезнѣми пихтами, очень хорошъ; замкоподобная усадьба вполнѣ гармонируетъ съ окружающимъ пейзажемъ. Уже ближе къ Шлиссельбургу Нева на короткое время какъ бы выходитъ изъ своего цивилизованнаго состоянія и развертывается въ привольную, сѣверную рѣку, — сѣную, спокойную, въ широкомъ размахѣ обрамленную темной полосой лѣса. Впрочемъ это мимолетное настроеніе сейчасъ же разбивается съ приближеніемъ къ Шлиссельбургу. Какой это печальный городъ! Какая закорузлая провинція, — даже названія улицъ, и тѣ еще не прививаются среди обывателей.

Лѣвѣе города, за крѣпостнѣю, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейдѣ заснуло нѣсколько судовъ. Все какъ-то непривѣтливо и холодно, такъ что съ удовольствиемъ перебираешься на громоздкую машину, чѣмъ повезетъ по каналу до Новой Ладоги. Накрененная на бокъ, плоскодонная, какой-то овалѣной формѣ, съ укороченной трубой, она производитъ впечатлѣніе скорѣй самовара, чѣмъ пассажирскаго парохода, но всѣ ея страннѣя особенности имѣютъ свое назначеніе. Главное украшеніе парохода — труба срѣзана, потому что черезъ пароходъ часто приходится перекидываться бичевы баржы, идущихъ по каналу на четырехъ лохматыхъ лошаденкахъ; глубина канала заставляетъ отказаться отъ кила и винта; тенденція къ одному боку является вслѣдствіе расположнія угольныхъ ящиковъ, а почему ихъ нельзя было распределить равномернѣе — этого мнѣ не могла объяснить пароходная прислуга.

Затрясся, задрожалъ пароходъ, казалось, еще болѣе накренился на бокъ, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, съ бѣстротою 6 верстъ въ часъ. Случайнѣй собесѣдникъ, знакомый съ мѣстнѣми порядками, успокаиваетъ, — что, вѣроятно, придетъ во-время, если только не сѣѣшимся со встрѣчною баркою или не сядемъ на мель, — и то и другое бываетъ нерѣдко.

Черезъ валъ канала то и дѣло выглядываетъ горизонтъ Ладожскаго озера. Среди мѣстнѣихъ побѣрѣй обѣ озерѣ ясно сказывается вліяніе старины: озеро караетъ за преступленія. Подобные разсказы сводятся къ слѣдующему типу. Позарился мужичекъ на чужія денги, убилъ своего спутника во время пути въ Ладогу по лѣду и столкнулъ трупъ на ледъ. Самъ поѣхалъ далѣе и заснулъ. Просыпается, — уже ночь; поднялся вѣтеръ, снѣгъ до чиста сдуло со лѣда; понесло мужика вмѣстѣ съ лошадью прочь съ дороги невѣдомо куда. Увидалъ мужикъ, что дѣло плохо, потому что при силѣномъ вѣтерѣ Богъ вѣсѣ какъ далеко занести можетъ и, чего доброго, въ половину попадешь; отпрятъ онъ лошадь, вывернуль оглобли, заострилъ концы и пошелъ по знакомымъ примѣтамъ: пускай и лошадь, и санки, и все пропадаютъ, лишь бы самому отъ смерти уйти. Крѣпчаетъ вѣтеръ, слѣпимъ вѣюгой глаза, затупились колѣя, не цѣпляются они болѣе за ледъ, и мужика понесло

по вѣтру. Среди сѣжнаго моря зачернѣлось чѣто-то, ближе и ближе—прямо на чернину летитъ мужикъ. Смотритъ, передъ нимъ убитый товарищъ: хочетъ свернуть въ сторону—не слушаются ноги, зацепляютъ за трупъ, подламываются леды, и убийца вмѣстѣ съ убитымъ тонутъ въ озрѣ. Интересный осколокъ Новгородскихъ былинъ! Послѣдняя картина этого эпизода, когда роковыемъ образомъ встрѣчаются убийца съ своею жертвою,—очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность; среди нея гдѣ-то, по словамъ местного пассажира, притаилася богатая расколбничья деревня, пробравшися въ которую можно лишь въ удобное зимнее время. Небось, въ такомъ уголкѣ сохранилось не мало интереснаго: и пѣсни, и повѣрья, и окрутѣ старинныя,—гдѣлается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрѣми рѣзными конѣками, невольно напрашивающимися на параллель съ Байонскимъ ковромъ. Съ одной грузной бѣляной стряслася бѣда,—затонула, широко расплывись массы дровъ. На берегу пристился ея экипажъ, выстроили шалашикъ, развели огонь, варятъ рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здѣсь собрались.

Сѣрый, однообразный пейзажъ тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не можетъ дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чутится что-то болѣе значительное: въ 12 верстахъ отъ нея историческое гнѣздо—Старая Ладога. Скучно дожидаются Волховскаго парохода,—торопясь, на почтовыхъ, скачешь туда по прекрасной шоссированной дорогѣ. Слѣва местами выглядываетъ Волховъ—берега песчаные, заросли сосновой и верескомъ. Потомъ дорога возвѣтъ правѣ и пойдетъ почти вплоть до самой Старой Ладоги по обычному пологому пейзажу, съ лѣсомъ на горизонте. Изъ-за бугра выглянули три кургана—волховскія сопки. Большая изъ нихъ уже раскопана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Взбираемся на бугоръ—и передъ нами одинъ изъ лучшихъ русскихъ пейзажей. Широко развернулся сѣро-бурый Волховъ съ водоворотами и свѣтлыми хвостами теченія по серединѣ; по высокимъ берегамъ сторожами стали курганы, и стали не какъ-нибудь зря, астройнѣмъ рядомъ, одинъ красивѣй другого. Изъ-за кургана, на половину скрытая пахотнѣмъ чернѣмъ бугромъ, торчитъ бѣлая Ивановская церковь съ пятю зелеными главами. Подъ самой водѣ—типичная монастырская ограда съ бѣлыми башенками по угламъ. Далѣе въ безпорядкѣ—сѣрие и желтоватые остовы посада, въ перемежку съ бѣлыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то бѣльемъ, а за всѣмъ этимъ густо зеленый боръ—все болѣше хвоя; черезъ силуэты елей и сосенъ опять выглядываютъ вершины кургановъ. Всѣдѣ что-то было, каждое место полно минувшаго. Вотъ оно историческое настроеніе!

Когда васъ охватываетъ историческое настроеніе, словно при встрѣчѣ съ поченныимъ старцемъ, невольно замедляете походку, голосъ становится мище и, вмѣстѣ съ чувствомъ уваженія, васъ наполняетъ какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, безъ первого плана.

Поэзія старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляютъ поэзію будущаго; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, врядъ ли можетъ такъ же сильно настроить кого-нибудь, какъ поэзія минувшаго. Старина, притомъ старина родная, ближе всего человѣку... Именно чувство родной старины наполняетъ васъ при взглядѣ на Старую Ладогу. Что-то не припоминается въ живописи ладожскихъ мотивовъ, а между тѣмъ сколько прекраснаго и типичнаго можно вывезти изъ этого забытаго уголка—осколка старины, случайно сохранившагося среди окрестнаго мусора, и какъ легко и удобно это сдѣлать. (Совершивъ такую поѣздку, какъ видно изъ приведенныхъ подробностей пути, чрезвычайно просто).

Мнѣ приходилось встрѣчатъ художниковъ, пенияющихъ на судьбу, не посылающую имъ мотивовъ:

«Все переписано,—богохульствуютъ они,—справа ли, слѣва ли поставлю березку или рѣчку, все вѣходитъ старо. Вамъ, историческимъ живописцамъ, хорошо,—у васъ уголъ не початый, а намъ-то каково, современнѣмъ, и особенно пейзажистамъ».

Вотъ бѣднѣе!—они не замѣчаютъ, что кругомъ все ново безконечно, только сами-то они, вопреки природѣ, норовятъ быть старыми и хотятъ видѣть во всемъ новомъ старый шаблонъ и тѣмъ прѣучаются къ нему массу публики, извращая непосредственнѣй вкусъ ея. Точно можно сразу перебратъ неисчислимѣя настроенія, разлитыя въ природѣ, точно субъективность людей ограничена? Говорятъ, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступнѣе даже для кописта и протоколиста, остаются втунѣ, лежатъ подъ самыми бокомъ нетронутыми.

Да чтѣ говорить о скучныхъ художникахъ, которыемъ не найти мотива!.. я почти увѣренъ, что даже поэту пейзажа будемъ превосходная тема, если онъ въ тихий вечеръ, когда по всему небу разбрѣжались узоры, причудливые тучи, постоитъ на плоту, недалеко отъ Успенскаго монастыря въ Ст. Ладогѣ и поглядитъ на крѣпостную церковь, посадѣ, на далекій Никольскій монастырь—все это, облитое послѣднимъ лучемъ, спокойно отразившееся въ засыпающемъ Волховѣ. Стоймъ только обернуться—и передъ вами другой мотивъ, не менѣе прекрасный. Старый садъ Успенскаго монастыря, стѣна и угловыя башенки прямо уходятъ въ воду, потому что Волховъ въ разливѣ. Свозъ уродливые, переплетшіе вѣтки сохранившихъ, высокихъ деревьевъ, съ черными шапками грачевыхъ гнѣзда по вер-

шинамъ, чувствуется холодноватый силуэтъ церкви Новгородского типа. За нею ровный пахотный берегъ и далекія сопки. Фонъ—огневая вечерняя заря, тушующая первый планъ и неясными темнами пятнами вѣдигающая безконечный рядъ черныхъ фигуръ, что медленно направляются изъ монастырскихъ воротъ къ рекѣ,—то послушницѣ идутъ за водою.

Ладожскія церкви, такія типичныя по внешнему виду, какъ и большинство церквей Новгородской области, внутри представляютъ мало интереснаго. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключеніе представляютъ церковь въ крѣпости,—въ ней уцѣлѣла древнѣйшая фреско-

Perron de l'ancienne église en bois à Staraïa Ladoga (dess. de N. C. Roehrich).

вая живопись. Подъ каменной церкви простояла еще старинная, крохотная, сѣрая, деревянная церковочка,—типъ церкви какого-нибудь далекаго скита. Вся она перекосилась, главка упала и крестъ прямо воткнутъ въ уцѣлѣвшій барабанъ ея. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла въ землю. Церковка обречена на паденіе.

Подъ крѣпости указываютъ еще на два церковныхъ фундамента, омытыхъ г. Бранденбургомъ, изслѣдовавшимъ мѣстности древности.

Пишемъ эпюды. Какъ обыкновенно бываетъ, лучшія мѣста оказываются заселенными и загороженными. Передъ хорошимъ видомъ на крѣпостную

смѣну торчимъ какой-то несуразнѣй сарай; лучшій ракурсъ Ивановской церкви портится избѣй сторожа. Вѣчна исторія! Теперь хотѣ сами-то памятники начинаютъ охраняться,— на постройки или на починку дорогъ остерегаются ихъ вѣвозить, и то, конечно, толѣко вѣ силу приказанія, а настанетъ ли время, когда и у насъ вѣзвинется на сцену неприкосновенность цѣлыхъ историческихъ пейзажей, когда приѣтие отвратительной современности домъ вполнѣную къ историческому памятнику станетъ невозможнымъ, не толѣко вѣ силу строительныхъ и другихъ практическихъ соображеній, но и во имя красоты и національного чувства. Когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ эмою, никому не нужно, смѣшною цѣлью?—думается, такое время все-таки да будетъ.

На прощанье взбираемся къ вершинѣ кургана и фантазируемъ сцену тризны. Невдалекѣ отъ рѣки возвышается какой-то «холмъ», поросшій верескомъ.

— «А вѣдь тамъ, смотри, на бугрѣ когда-нибудь жило стояло; можетъ быть, городокъ былъ»,— указываетъ на холмъ мой товарищъ и замыгиваетъ: «Купался боберъ».

Видно, и на него повѣяло древнимъ язычествомъ.

Отъ Старой Ладоги до Дубовика характеръ береговъ и теченіе рѣки не измѣняются. Берега вѣсокѣ, на самомъ откосѣ торчатъ курганы. Много портятъ пейзажъ прибрежнѣя плитоломни. Что-то вѣдемъ изъ Волховскихъ береговъ, если подобная работа и впередъ будетъ производиться такъ же ревностно? За поворотомъ исчезли послѣдніе признаки Старой Ладоги, и мы радуемся этому, потому что увозимъ отъ нея самыя прѣятнѣя воспоминанія, пропустивъ мимо всю ея неприглядную обѣденную жизнь, сосредоточившуюся, какъ замѣтно уже на второй день пребыванія, лишь на прибытии парохода съ низа или съ верха.

Пароходъ далѣе Дубовика неидетъ,—тутъ начинаются пороги, такъ что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояніе около 10 verstъ) надо проѣхать вѣ диликанѣ. Диликанѣ этоѣ представляютъ изъ себя не что иное, какъ остовъ большого ящика, поставленнѣй ребромъ, съ вѣбимыми дномъ и крышкою. Мы сѣли лицомъ къ рѣкѣ. Лошади рванули и проскакали почти безъ передышки до пристани. Дорога шла подлѣ самой береговой кручи; нѣсколько разъ колесо оказывалось на расстояніи не болѣе четверти отъ обрыва, такъ что, неволѣно, мы начинали соображать, что если на какой-нибудь промоинѣ наѣхимъ изъ диликанса, упадемъ ли мы сразу вѣ Волховъ или нѣсколько времени продержимся за кусты. А Волховъ внизу кипѣлъ и шипѣлъ. Мы скакали мимо самыxъ злыхъ пороговъ. Несмотря на разливъ, давно незапамятнѣй, изъ водѣ все же торчали кое-гдѣ

камни; подлѣ нихъ бѣлѣла пѣна, длиннѣмъ хвостомъ скатываясь внизъ. Сила теченія въ порогахъ громадна: въ половодье груженная баржа проходитъ нѣсколько десятковъ верстъ въ часъ. Цѣлая толпа мужиковъ и бабъ правитъ ею; рулевого нерѣдко снимаютъ отъ руля въ обморокъ—таковъ сильно нервное и физическое напряженіе.

Баржу гонятъ съ гикомъ, съ пѣснями; личность потонула въ общемъ подъемѣ. Вода бурлитъ, скрипятъ борты... Какая богатая картина! Название Гостинополь заставляетъ задуматься — въ немъ слышится что-то нетеперешнее. Навѣрное здѣсь было волокъ, ибо противъ теченія пройти въ Волховскихъ порогахъ и думать нечего. Въ Гостинополь же ладьи снова спускались и шли къ Днѣпровскому бассейну. Можемъ быть, до Дубовика шли встарину на мореходныхъ ладьяхъ (слово дубовикъ напрашивается на производство отъ дубъ-лодка), а въ Гостинополь сохранились лодки менѣшаго размѣра — рѣчньяя. Впрочемъ, становимъся на точку такихъ предположеній — опасно.

Въ Гостинополь нагрузились на пароходѣ, чтобъ повеземъ насъ до Волховской станціи Николаевской дороги,—тамъ опять пересадка. На палубѣ парохода цѣлое стадо телятъ; лежатъ они связанные, жалобно мыча, — иныхъ пассажировъ не видно, но удивляется этому нечего, ибо поѣздки по Руси, вѣдь, совсѣмъ не приняты, да къ тому же нельзя сказать, чтобы и сообщеніе было хорошо приспособлено: такъ мы приѣхали въ Гостинополь въ 8-мъ часу вечера, а пароходѣ отходилъ въ $3\frac{1}{2}$ часа утра. Почему не въ 5 или не въ 4 — неизвѣстно. Впрочемъ отхода его мы не дождались, ибо къ тому времени уже спали крѣпкимъ сномъ. Проснувшись заутро, товарищъ взглянулъ въ окошко:

- Ну, что тамъ? красиво?
- Тундра какая-то! Болото и тонъ.

Часа черезъ два я взглянулъ — опять низкое мѣсто, которое потянулось вплоть до станціи Волховъ. Знаменитое Аракчеевское Грузино — нѣчто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общаго не имѣющее съ тою великоклѣпною декораціей, какою намъ представляютъ его современныя гравюры. На Волховской станціи насъ усердно угожали продолжать путь по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, посмотрѣли съ сожалѣніемъ, какъ на людей, дѣйствующихъ къ явной своей невѣгодѣ: для продолженія водного пути пришлось сидѣть на станціи отъ 11 часовъ утра до 5 утра же, тогда какъ поѣздъ проходилъ черезъ полчаса. Оставалось спать и спать, потому что въ сѣромъ пейзажѣ, состоявшемъ изъ затопленныхъ деревень, было мало интереснаго и красиваго.

— «Гуся, что ли, нарисовалъ на память о великомъ водномъ пути», предложилъ я, и мы смыслись, вспомнивъ, какъ одинъ художникъ объяснялъ

цѣль и смыслъ художественныхъ поѣздокъ...: «а то другой ѿдѣтъ за твѣсячи верстъ и тамъ коровой занимается или курицей самой обыкновенной, точно онъ дома не могъ то же самое сдѣлать съ болѣшимъ успѣхомъ и удобствомъ», — говорилъ онъ.

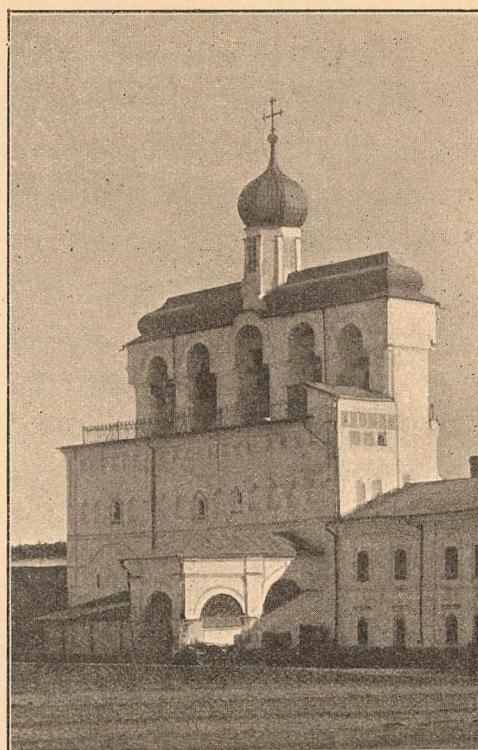
Путь отъ Волховской станціи до самаго Новгорода ничѣмъ особеннѣмъ не радуетъ. Аракчеевскія казармы, безконечныя пашни — все это благоустроено, но ординарно. Передъ Новгородомъ нѣсколько монастырей самого обыденнаго вида. Единственно красивое мѣсто за весь этотъ кусокъ пути — такъ называемые Горбы съ остатками славнаго сосноваго бора, силѣнаго и ровнаго, какъ щетка. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Новугороду (мѣстный житель никогда не скажетъ Новгороду, а подчеркнетъ Нѣту городу), тѣмъ сильнѣй и сильнѣй овладѣвало нами какоето разочарованіе. Разочаровалъ насъ видъ Кремля, разочаровали встрѣчные типы, разочаровало общее полное безучастіе къ историчности этого мѣста. Чѣмъ подумаетъ иностранецъ, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господинъ ли это великий Новгородъ?

«На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ»...

вспомнилъ мой спутникъ, когда мы входили на мостъ, направляясь въ Кремль. Но, вмѣсто старицы, на мосту стоялъ отвратительного вида боякъ съ кровавой шишкой подъ глазомъ. На встрѣчу попалось нѣсколько мужиковъ — истые «худые мужики вѣчники», за кого кричатъ, за что — все равно, лишь бы поднесли.

Софійскій соборъ въ лѣсахъ; тамъ идетъ, какъ извѣстно, капитальный ремонтъ. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельствъ, важная задача расписатъ этотъ славнѣйший и древнѣйший русскій соборъ миновала руки художниковъ и выпала на долю артели богоизбѣжниковъ. На разстояніи какъ-то все смягчается, многое важное ускользаетъ отъ вниманія въ заглавныхъ разсказахъ, пока не увидишь во-очи. Я думаю, и вы, кому приведется читать эти строки, не обратите на нихъ никакого вниманія; кругомъ все тихо и смироно, какое кому дѣло, что гдѣ-то въ отжившемъ городѣ совершаются нѣчто странное? А между тѣмъ это «нѣчто странное», если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательнымъ. На

Звонница Кремля Новгородского.
Clocher primitif du kremlin de Novgorod.

рубежъ 20-го вѣка, при возрастающемъ общемъ интересѣ къ отечествен-
нѣмъ древностямъ, при новѣихъ путяхъ религіозной живописи, такъ счаст-
ливо указаннѣхъ Викторомъ Михайловичемъ Васнецовымъ, одинъ изъ луч-
шихъ русскихъ памятниковъ старины расписывается иконописцами бого ма-
зами, и притомъ—какъ расписывается! Жутко дѣлается, когда лашишь по
внутреннимъ лѣсамъ храма мимо этихъ бого мазнѣхъ изображеній—глубоко
бездарнѣхъ, сухихъ, пригоднѣхъ развѣ въ захолустную церковь сверхштат-
наго городишкы, а никакъ не умѣстнѣхъ при сосѣдствѣ съ памятникомъ
тысячелѣтія Руси. Еще обиднѣе и гаже становится, когда осмотрѣши внизу
превосходную древнюю фреску Константина и Елены и куполѣнїя изобра-
женія пророковъ и архангеловъ, наводящія на мысль: какой вѣсоконаціональ-
нѣй храмъ могъ бы получиться изъ Софии подъ мастерскою кистью, при
такихъ основнѣхъ базисахъ, каковы сохранившіеся остатки древнихъ фре-
сокъ; какъ стильно и художественно можно бы было заживить осталѣнїя
стѣнъ! Какой богатый матеріалъ, какая возможность поддержать славнѣй
памятникъ и расцвѣтомъ его, бытъ можетъ, оживить цѣлый городъ!—
но вдругъ все умышленно попирается, производится неболѣшая экономія..., а
что впереди?—тамъ хомъ помонѣ. Если не хватаетъ средствъ, то отчего
напросту не заштукутуритъ стѣнъ, оставивъ лишь остатки древней рос-
писи? Или ужъ покрыть и старую живопись бого мазнѣми изѣблѣями, не за-
казывавшими г. Фролову удачнѣя подражанія древнихъ мозаикъ, убрать сохранившіяся,
чтобы и сравненія не было, какъ оно могло бытъ и какъ есть
на самомъ дѣлѣ,—по крайности не было бы полуумѣрѣ. Если изгонятъ худо-
жественность и національность, то ужъ гнамъ ихъ основательно, по всѣмъ
пунктамъ, безъ пощады.

Мнѣ кто-то хотѣлъ объяснить, какъ это печальное событие произошло,
говоря, что много было всякихъ мелкихъ обстоятельствъ; но, полагаю, для
исторіи искусствъ таکія побочнѣя причинѣ не будутъ важнѣ,—ей будемъ
знаменательно, вѣянія развитія русского искусства въ концѣ 19-го вѣка,
отмѣтить крупнѣйший фактъ росписи первѣйшей русской святыни архею
бого мазовъ, безъ участія пригоднѣйшихъ къ этому дѣлу, даровитыхъ ху-
дожниковъ. Какое отрадное свѣдѣніе, въ особенности для всѣхъ причастнѣхъ
къ современному искусству!—и передѣль собою-то смѣдно, а еще смѣднѣе
передѣль иностранцами, когда они скажутъ, и на этомъ разѣ вполнѣ заслу-
женно: ужъ эти варвары!

Джонъ Рѣскинъ, услыхавъ о такомъ дѣлѣ, навѣрное бы писалъ о немъ
въ траурной рамкѣ.

Новгородская косность простирается до такого предѣла, что изъ то
встрѣчнѣхъ лишь одинъ могъ указать, какъ пройти къ Спасу чѣмъ на Нередицѣ,—къ древности, которая должна бы быть извѣстна каждому малъ-
чишкѣ, да и была бы извѣстна въ европейскомъ городѣ.

Не великъ городской музей Новгородскій, содержаніе его болѣше случайное, а мѣстонахожденіе не совсѣмъ удачно, ибо для него пришлоось погубить одну изъ Кремлевскихъ башенъ; но это все не бѣда, если бы музей хотѣлъ сколько-нибудь интересовалъ обывателей, а то посѣтители его почти исключительно прѣважаю, тогда какъ среди мѣстныхъ жителей находятся нѣкоторые, вовсе и не подозрѣвающіе о существованіи городского музея, или знакомые съ нимъ лишь по наслышкѣ.

Интересенъ Знаменскій соборъ, хотя особою древностію онъ не отличается. Сѣни и вѣнчанія галлерей его, видимо, первоначально были открытыя, на аркахъ съ грушами,—теперь они заложены, и доволѣнно неблагополучно: напр., внутри сѣней новая кладка расписана «подъ мраморъ» малярами, тогда какъ осталѣное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграетъ общій характеръ собора, если возстановимъ эти типичныя арки, само же возстановленіе не должно обойтись слишкомъ дорого.

Церковь Спаса на Нередицѣ. — L'église du Sauveur sur la Nereditza.

Наиболѣе цѣлѣное впечатлѣніе изъ всѣхъ Новгородскихъ древностей производитъ церковь Спаса на Нередицѣ. Не буду касаться историческихъ и иныхъ подробностей этой интересной церкви, сохранившей въ первобытной цѣлѣности настѣнное письмо,—такія подробности можно найти въ трудахъ Макарія (опис. Новгор. церк. древн., I, 798), Прохорова, Н. В. Покровскаго и въ имѣющемъ вѣйти въ ближайшемъ будущемъ VI выпускѣ

«Русскихъ Древностей», изд. гр. И. И. Толстымъ и акад. Н. П. Кондаковыимъ. Основанная въ 1197 году княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, Спасская церковь по древности, а главное по сохранности, является памятникомъ исключительнымъ и, надо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, она была издана полноимъ и достойнѣмъ для нея образомъ.

Съ Софійской стороны, изъ Воскресенской слободы (въ которой тоже типичные и древніе храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостиваго), мы перѣзали Волховъ, безконечный въ своемъ разливѣ,—направляясь къ Нередицѣ. Дѣло шло къ вечеру, солнце было желтымъ лучемъ въ бѣлыя стѣны Спаса, одиноко торчащаго на бугрѣ,—пониже его лѣпится нѣсколько избушекъ и торчатъ ивы, кругомъ же ровнѣй горизонтъ. Такая одиночнѣя, среди пустой равнинѣ, церкви очень типичны для Новгородскаго пейзажа: то тамъ, то тутъ, при каждомъ новомъ поворотѣ, бѣлѣютъ они. Проѣхали мы Лядскій бугоръ, гдѣ въ бытое время стоялъ монастырь,—само же название уроцища, будто бы, производится отъ божества Ладо.

На горизонти Ильменя выстроился рядъ парусовъ—они стройно удалялись. Чудно и странно было сознавать, что по этимъ же самимъ мѣстамъ плавали ладьи варяжскія, Садко богатаго гостя волынѣе струги, проплывала Новугородская рапа на роковую Шелонскую битву...

Ракурсъ Спаса съ берега, пожалуй, еще красивѣе, нежели его дальний видъ. Колокольня нѣсколько позднѣйшей постройки, но за то самъ корабль оченьстроенъ и характеренъ. Живопись, сплошь покрывающая стѣны и теряющаяся во мракѣ купола, полна гармонии, ласкаетъ глазъ на рѣдкость пріятнѣй сочетаніемъ тоновъ, облагороженнѣихъ печатю времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этотъ памятникъ—онъ уже требуетъ серьезнаго ремонта, для котораго, какъ говорятъ, нехватаетъ средствъ. На первыя нужды необходимо хомъ 5000 рублей,—неужели сейчасъ же не найдется любителя старинѣ, располагающаго такой суммой? Есть много богатыхъ людей, не жалѣющихъ своихъ достоянковъ на добрыя дѣла; ремонтъ Спаса, вѣдь, тоже доброе дѣло, да еще какое! *)

Возвращаясь къ дому съ Шелони, я дождался поѣзда въ Шимскѣ. Среди многочисленныхъ вокзальныхъ объявленій бросался въ глаза изящнѣй плакатъ Дрезденской художественной выставки и невольно думалось: чѣмъ Шимску искусство? да и будемъ ли когда оно для Шимска—не пустынѣ далекимъ звукомъ?

*) Не говорю о многочисленныхъ историческихъ уроцищахъ Новгорода, потому что они любовно и подробно описаны В. С. Передольскимъ въ его книгѣ «Новгородскія Древности», вып. I.

